

УДК 32.019.51

И.В. Кирдяшкин**ТРАНСФОРМАЦИОННОЕ ВРЕМЯ И ЕГО СИМПТОМЫ
(МОЛОДЕЖНЫЙ ФАКТОР
В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ)**

Рассмотрены базовые свойства социально-политического времени современности, позволяющие включать в процесс создания его идеологии молодежь. Дается характеристика проектам социально-политического времени современности, их российской специфике, основанной на переходном типе мышления, присущем молодежи.

Суть современности может пониматься как кайрос. Кайрос обозначает разрыв между двумя зонами – достаточно протяженными отрезками мировой истории, во время которых не происходит никаких чрезвычайных и радикальных событий, способных резко изменить ее ход, когда совершается нечто экстраординарное, порождающее серьезные последствия для судьбы всего человечества. В кайросе происходят основные политические события, когда проявляются творческий динамизм, идейное нетерпение и духовная тревога, формирующие эпохи жизни народов и стран [1. С. 215]. Свойства переходного периода трансформируют весь мир социальности и ход линейного времени, определяющей тенденцией которого является ускорение течения времени и темпов социальных изменений. Этот аспект является следствием процесса трансформации образцов социального времени, что осуществляется в режиме конкуренции альтернативных проектов социального времени, претендующих на реализацию мегасинтеза на основе тех или иных ценностных и когнитивных порядков.

Время кардинально меняет не только свою систему (одну на другую), но и структуру, лежащую в их основаниях, заложенную в архетипическом, менее подвижном содержании человеческого опыта, бессознательных формах проявления и воздействия культуры. И. Валлерстайн, выделяя в своей теории миросистемного анализа кайрос как трансформационное время-пространство, связывает его со временем-пространством человеческого выбора и периодом особо интенсивных свершений и преобразований. Это переход от параметрической модели обратимого «времени часов» к исторической модели необратимого «времени-возраста», переход от вертикального (календарного) к «поперечному» времени-пространству, которое воплощается не в последовательности событий, а в долговременных ментальных конструкциях, культурных архетипах, социальных иерархиях, т.е. в «горизонтальных» цивилизационных структурах исторических систем. Это время, когда человек не может избежать морального выбора, в этом времени человек реализует свою свободную волю, творит новый порядок [2. С. 116]. Согласно И. Валлерстайну, современное мировое сообщество, начиная с революционных событий 1968 г., переживает глобальный системный кризис, в

течение которого мировая система, отождествляющаяся исследователем с капиталистической мироэкономикой, должна перейти к новому порядку и формам существования. Одной из основных черт переходного периода являются резкие колебания всех структур и процессов, которые считались неотъемлемой частью миросистемы, которая приводит к росту социальной нестабильности. Этот период, считает исследователь, знаменуется, прежде всего, трансформацией либеральной идеологии, являвшейся основой структур миросистемы [3. С. 177]. Либерализм основывал свои убеждения на одной из ключевых посылок идеи Просвещения: рациональная мысль и действие – путь к спасению, то есть к прогрессу. После 1968 г. эта установка стала одной из числа соперничающих идеологий среди других [4. С. 244].

Проявления тенденций, связанных с состоянием хаоса в начале третьего тысячелетия, согласно И. Валлерстайну, заметны в уменьшении способности государств поддерживать внутренний порядок, государства захлестывают требования безопасности и благосостояния, которые они политически не в силах удовлетворить; еще большем ослаблении межгосударственной системы взаимодействия государств, ослаблении роли идеологий как объяснений межгосударственных конфликтов. В условиях, когда государства (и межгосударственная система) начинают рассматриваться как теряющие эффективность, члены общества обращаются за защитой к «группам». Они могут быть самыми разнообразными: этнические, религиозные, гендерные, «меньшинства» самого разного характера. Но в этом, как считает И. Валлерстайн, нет ничего нового. Новое – в степени, в которой такие группы рассматриваются как альтернатива «гражданству» и участию в «государстве», являющееся по определению домом для многих групп (пусть и относимым к неравным категориям). И это вопрос доверия. Здесь, как считает исследователь, сложность в том, что эти «группы» являются продуктом демократизации, чувства, что государства потерпели неудачу, так как либеральные реформы были миражем, поскольку «универсализм» государств на практике означал забвение или подавление более слабых [5. С. 364–367].

Кризис логоцентризма способствует распространению культурных форм, интегрирующих социум посредством смыслов и типов сознания локальных сообществ, структурой которых являются культура и ее системное качество – мифо-ритуальная система. Центральное место в последней занимает род (в единстве мифологического представления и наличной реальности). Род имеет значение как бы общего знаменателя, он актуализирует в переживании всеобщую эмпатическую связь, устанавливает ее иерархические градации. Архетип (комплекс) рода – сфера перехода от программ животного поведения к осознанной культурной деятельности. Он является центрирующим и системообразующим стержнем всей культурной системы индивида. Он органически связан с потребностью в партиципации (чувственном сопричастии), так как дает возможность переживания ситуативно восстановленной всеобщей эмпатической связи между субъектом и объектом, переживания безотчетного, не опосредованного рефлексией, где взаимодействуют субстанциональные энергетические поля [6. С. 81].

Обеспечение управления социумом в ситуации активизации локальных сообществ их ценностей и когнитивных порядков стало в значительной сте-

пени возможно благодаря информационным технологиям и новейшим средствам коммуникации, ставшим основой переходного времени и управления разрозненным политическим пространством. Системные качества культуры, зафиксированные в мифо-ритуальной системе, связующим фактором которой является эмпатическая связь ее компонентов и сознания индивидуума, в свою очередь становится условием эффективности и эволюции технических коммуникаций в качестве средств управления обществом. Это значительно усиливает политическую роль группового сознания и дает возможность использовать его в качестве инструмента политического давления, для создания и реализации альтернативных форматов социального времени. Их свойством является направленность на сверхфорсированные темпы социальных изменений и проекты мегасинтеза, построенные на радикальных методах трансформации социальных пространств, в которых архетипы политического поведения, инкорпорированные из мифо-ритуальных систем, призваны компенсировать ослабление роли идеологий как мобилизующего общества фактора. Этот процесс сопровождается появлением необходимых для осуществления форсированных темпов социально-политического развития участников политического процесса, для которых производные мифо-ритуальной системы являются важными компонентами социальной адаптации.

Период начала 90-х годов XX – начало XXI в. – период появления сверхэффективных методов коммуникации и времени активных попыток стран, представляющих ряд ведущих центров технических и политических инноваций форсировать процесс осуществления политического мегасинтеза. Это политическое время, обусловленное состоянием мирового пространства политики, формируемого центрами инноваций. Оно характеризуется: увеличивающимся предложением знаково-символических ресурсов для формирования политического времени за счет усиливающегося производства виртуальных образов; сокращением возможностей центров создания технологий и средств управления инновационным временем, в лице ведущих инновационных центров Запада, чтобы их обрабатывать и использовать для совершенствования технологий и методов обработки получаемой информации. Как считает М. Делягин, современный мировой структурный кризис имеет главную фундаментальную причину, общую для самых различных стран и отраслей: резкий, непредставимый для неподготовленного человека рост эффективности информационных технологий, связанный с переходом крупнейшей экономики мира – США – на постиндустриальную, информационную модель развития. Этот рост эффективности привел к классическому кризису перепроизводства, в данном случае информационных услуг, понимаемого в самом широком смысле слова – не только коммуникаций и исследований, но и создания и поддержания соответствующих ожиданий и, более того, соответствующего образа мыслей и типа сознания. Это перепроизводство «ожиданий» и, более широко, «представлений» [7. С. 221].

В этот период Россия переживает начало активной фазы интеграции в мировое трансформационное время-пространство, создание необходимых для этого институтов, системных качеств и проявление стратегий форсированного ускорения российского социально-политического времени. С конца

90-х годов XX – начала XXI в., наряду с тенденциями интегрирования России в процессы, связанные с увеличением темпов социальных изменений, российская власть начинает формировать собственные режимы социального времени. Причины: активизация ряда отраслей экономики; благоприятная экономическая конъюнктура на мировом рынке в отношении российского сырья для энергоресурсов Запада; усиление конкурентоспособности; как следствие – начало восстановления контроля за потреблением населения; массовое распространение персональной компьютерной техники, мобильной связи, развитие системы Интернет. Одним из элементов этих подвижек стало и то, что власть начинает включать в свои идеологические стратегии компоненты мифо-ритуальной системы российского общества и их носителей, обеспечивающих легитимность ее деятельности, символические и мобилизационные ресурсы которой задействуются властью посредством технологий, средств управления коммуникациями и социально-политическим временем.

Начало XXI в. – период начала активного использования властью знаково-символических, мобилизационных ресурсов мифологического мировосприятия с целью увеличения темпов общественных изменений, формирования собственных проектов времени и создания условий их интеграции в публично-правовое пространство политики. Ход этого процесса отражает тенденции рефлексии сознания, его расширение в культуре и содержании, фиксирующий опыт социальной жизни в прошлом. Идеологическим основанием политической власти становится власть над прошлым, относящимся к практически неосознаваемым, бессознательным для большинства, планам социального бытия человека. В силу резкого ускорения социально-политического времени, идеологической стратегией власти становится опора на политические ресурсы, уже имеющиеся в историческом прошлом, а усложнение социальных и политических проблем подталкивает власть на поиск прецедентов во все более архаичном историческом пространстве. Неэффективность проектов встраивания России во время развития инновационных процессов обусловлена нарушением ритмов взаимодействия российской социально-политической системы и архитектурного содержания российской культуры.

Исследователь проблем социокультурной динамики И.Г. Яковенко на основе работ российской школы цивилизационных исследований и цивилизационной компаративистики выделяет среди наиболее значимых системообразующих характеристик российского социокультурного универсума лежащий в основании российского культурного кода социокультурный идеал (социальный абсолют, по И.Г. Яковенко), который имеет вид нерасчлененного синкрезиса. Идеал синкрезиса, по мнению И.Г. Яковенко, имеет устойчивую тенденцию к идеократическому государству в России, запрос на единство власти и идеологии, предпочтение нерасчлененной власти как единственно возможной, эффективной, «настоящей». Этой характеристике сопутствует значимая в трансформирующемся обществе тенденция к сакрализации власти, главная идея которой состоит в том, что власть не есть общество, она сакральна, а общество – профанно, что блокирует механизмы их обратной взаимосвязи [8. С. 34–47]. Власть в современной России имеет тенденцию к самодостаточности. Это благоприятствует условиям существо-

вания новейших средств коммуникации, краткосрочности идеологических проектов, способности власти придавать обществу импульсы, развитие которых обеспечивается национальными архетипами. Это требует участия молодежи как наиболее мобильного социального элемента. Молодежь является социальной группой, сознание которой еще не прошло школу логико-рационального членения мира и которая по своей природе восприимчива к идеям, вырастающим из переживания синкрезиса как ценности. У молодежи в силу недостатка социально-политического опыта низок уровень социального и политического самосохранения.

С начала XXI в. российская власть совершает первые за постсоветский период пробные попытки участия в противостоянии типов социального времени и общественной организации, соперничестве когнитивных порядков. Эта тенденция фиксируется в ряде идеологических проектов, ориентирующихся не только на национальное политическое пространство, но и на мировой контекст соперничества смыслов, точнее, на подготовку к нему. Главным социальным носителем проектов является молодежь и ее общественно-политические организации, возникновение которых было инспирировано самой властью. Их деятельность – превентивная мера в ответ на попытки центров технологических инноваций форсировать с помощью участия молодежи эволюцию политического времени в таких странах СНГ, как Украина, Грузия, Киргизия.

Процесс создания нового времени-пространства требует новых носителей как в ценностно-смысловой, так и в знаково-символической сферах. Их необходимым свойством является наличие возможностей достаточно гибких, соответствующих тенденциям постоянных изменений, смыслообразования в отношении социального бытия. В условиях глобализации власть формируется как феномен всеобщий, не ограничивающийся национальной государственностью, что только мешает ей быть властью и требует соответствующего типа мышления. В центре внимания оказываются в том числе и идеологические векторы, воздействующие через чувственное восприятие и телесность, мифологические образы и ритуальные действия, которые в силу самой специфики архаичного сознания и восприятия мира обладали наибольшими возможностями для «космологизации» индивида, его включения в биокосмические и глобальные ритмы существования социума [9. С. 563]. Это требует новых инструментов и систем познания для субъекта, перед которым мир за последние несколько десятков лет существенно расширил и продолжает расширять свои границы. Для российского социума необходимость в изменении систем обработки информации об окружающем мире, постоянно расширяющем для субъекта свои границы, проявилась неожиданно и в относительно короткий промежуток социально-политического времени.

Шок изменений расширил не столько сферу познанного об окружающем мире, сколько сферу мифа о нем, относящихся главным образом к его идеологическим коннотациям. Как отмечает Э. Кассирер, миф и ритуал вступают в силу там, где не хватает знания. Реальный субъект мифа – не субстрат мысли, а субстрат чувства, осуществляющего внутреннюю взаимосвязь смысла и разумности. Мифический мир управляется законом метаморфоз, неустойчивость которого связана с неспособностью человека мифа (человека

в лиминальном или переходном состоянии, молодого человека, архаического человека) понять эмпирические различия вещей, но способностью увидеть различия, находящиеся в спутанном, дологическом, недифференцированном состоянии, вне установленных правил мышления и типа социальной системы [10. С. 529–535]. Этот фактор выразился в использовании форм «дологического мышления» и составляющих мифо-ритуальной системы российского социума, его политической культуры «дологического периода».

Согласно выводам социологической школы Л. Леви-Брюля, в «дологическом мышлении», руководствующемся «законом сопричастия» (партиципации), воспринимаемый объект может быть самим собой и чем-то иным, находится в различных местах, а свойства изображения могут быть тождественны свойствам оригинала [11. С. 11]. Влияние «дологического мышления» претворяет новое «одушевление» российского культурного универсума, основой которого являются мифологическое мировоззрение и свойственное ему время, дающее импульс развития новых параметров политического. Как считает Г. В. Зубко, мифологическое время – особый вид энергии, представляющей собой активное начало, запускающее в действие все процессы развития. Благодаря своей энергетической природе время структурирует пространство и все, что в нем находится. Время само претерпевает изменения. Меняются его структура и частота. В силу этих свойств, в частности неоднородности и способности к трансформациям, время дробит Мир на отдельные фрагменты, или конкретные пространственно-временные зоны (поля, миры), в каждом из которых время и пространство имеют свои особые характеристики. При этом все они части Вечного времени, которые существуют одновременно. Время не линейно. Оно не излучается в каком-либо конкретном направлении. Как часть Вечного времени оно просто существует [12. С. 552]. Согласно мифологической парадигме, хаос «ликвидирует» то, что вызывает застой в системе, утрачивающей свою динамичность. Он – естественное проявление постоянных изменений, необходимых для развития. Отношения между хаосом и порядком характеризуются большой «эластичностью» и подвижностью. Нарастание напряженности в системе хаос – порядок наблюдается в период перехода от одного «измерения» в другое. При этом претерпевают важные изменения все характеристики, свойственные данной зоне, меняется и структура времени, поскольку при переходе от хаоса к порядку (и наоборот) происходит ускорение процессов, а интенсивность энергий все возрастает [12. С. 544].

Власть в этих условиях нуждается уже не только в носителях логического мышления, но и в носителях «дологического мышления», обладающих высоким социоэнергетическим потенциалом, которые участвуют в организации социума в условиях кризиса логоцентризма и основанных на нем формально-правовых систем жизнеобеспечения социума. Важным условием также является отсутствие уже закрепленных в сознании носителя когнитивных порядков, которые только следует сформировать, создавая между носителем и властью необходимую для управления партиципационную связь. По объективным причинам главным претендентом на эту роль стала молодежь, для которой это посредничество обеспечивает возможности ускоренной социализации.

При этом смешиваются первичный этап социализации, проходящий в семье и других первичных группах (групп сверстников), характеризующийся чувственно-эмоциональным восприятием, и вторичный этап социализации, или процесс освоения все новых и новых норм, образцов культуры, с которыми человек непрерывно сталкивается на протяжении всей своей жизни. Эмоционально окрашенная и телесно выраженная первичная социализация расширяет свои границы во вторичной. Процесс формирования обобщенного «Другого», свойственный вторичной социализации, продлевается и распространяется не только на сложившиеся возрастные границы детства. Характерной чертой этапа вторичной социализации современного молодого человека является то, что такие ее обязательные элементы, как интеграция в новые секторы общества, обретение возможностей для самостоятельного выбора ценностных установок и рационального выбора объекта для идентификации [13. С. 219], формируются под воздействием не столько самой реальности, сколько ее образов. Они конструируются на основе производных той или иной мифо-ритуальной системы, посредством которых осуществляется контроль над социализацией.

В условиях трансформационного времени связующим звеном двух стадий социализации становятся потребительские установки. С одной стороны, они являются мотивом социализации, смыслом производства линейного времени, создают условия для вторичной социализации, не позволяя молодому человеку полностью возвратиться к состоянию первичной социализации и эмоционально-телесному переживанию реальности. С другой – способствуют рецидивам возврата в состояние первичной социализации, что значительно снижает возможности потребительских стратегий сформировать абстрактные правила, требующиеся для удержания молодежи в рамках каких-либо социальных норм как таковых. Преимуществом и одновременно недостатком потребительских стратегий является то, что они могут стать основанием для создания, главным образом, кратковременных идеологических проектов, рассчитанных на кратковременный мобилизационный эффект, обусловленный наличием ресурсов для потребления. В них любой ценностно-когнитивный порядок может быть представлен только как универсальный, что ослабляет навыки осмысления усложняющихся проблем социализации, сужает пространство выбора.

Потребительские стратегии в разрыве с символическими ресурсами содержания российской мифо-ритуальной системы существенно снижают ее потенциал, поэтому важной задачей власти является сближение их приоритетов в формировании социальной системы, противоречия которых переводятся в сферу политического мифотворчества и рекламы. Когда происходит сближение пространств за счет новейших технологий и власть над временем становится весомее власти над пространством, значение пространств как формообразующего субстрата социальной и политической реальности не исчезает, а переносится в виртуальную сферу. Происходит замещение реальности ее симуляцией/образом, конкуренция образов замещает конкуренцию институционально определенных действий – экономических, политических или иных. «Дологическое мышление» – основа управления виртуальной реальностью, требует не столько географических и культурных пространств,

сколько свободных от воздействия логического мышления социальных групп. Развитие технологий вытесняет из социальной практики понятийно-логическое мышление, замещающееся дологическим, и усиливает социальное и политическое значение мифологического, расширяющего спектр культурных и политических стратегий для управления социумом в условиях усиления сложности социальных процессов. Молодежь – социальный феномен, актуализирующийся в условиях кризиса логического мышления и его социальных институтов в XX в., когда увеличивается степень абстракции механизмов социального управления и общество нуждается в проявлении новых смыслов, типов организации пространств, поиске эффективных методов социального управления и осуществлении быстрых темпов их реализации.

Воздействие мифа и ритуала проявляется, главным образом, через семейные, возрастные и другие группы, формирующие локальные миры, в символических пределах которых молодые люди переживают фрустрации не институциональной социализации. Взросление в них происходит посредством чувственно-эмоциональной сопричастности к сообществу, что является не только пространством политического управления, но и механизмом социализации и вхождением в систему путем адаптации в ней, которые в той или иной степени имеют контркультурную направленность. Ее проявления тесным образом сопряжены с эволюцией властных отношений и пронизаны идеями и символами Малой традиции, в частности, в европейской культуре. Малую традицию объединяют такие идеи и мировоззренческие комплексы, как манихейско-гностицистский комплекс; обостренный эсхатологизм; генеральная установка мы – они, идея инаковости к Большой традиции, содержащей в себе импульс к отторжению этого мира и консолидации по признаку «мы – другие»; аристократизм избранности; склонность к маргинальным культурным практикам, моделям поведения, формам образа жизни и др. [14. С. 167–168]. После распада новоевропейского социокультурного синкретизма в XX в. Малая традиция стала важной составляющей мировой политической культуры и властных отношений в целом. Ослабление влияния линейных образов времени обусловило влияние образов конечности времени, концепций «конца истории», ограниченности времени достижения политических целей, недостатка времени подготовки политических решений. После распада СССР как одного из полюсов конструктивной напряженности, производящей смыслы универсального социального времени, Малая традиция получила еще большее распространение, а после появления новейших коммуникаций – сужающийся спектр образов и смыслов, ею воспроизводимых.

Малая традиция – важная составляющая политического времени в условиях кризиса логоцентризма. Используя идеологический потенциал мифа для создания альтернативных форматов времени, власть берет на вооружение идеи и ценности Малой традиции, интегрирующие общество в ситуации роста локализма, увеличения нагрузки на социальные системы и их институты. Для их легитимации молодежная культура, как в Европе, Северной Америке второй половины XX в., является эффективной подсистемой, необходимой для трансформации социальных институтов и формирования властных отношений в условиях кризиса универсальных норм социальной эволю-

ции. Социальное время в молодежной культуре базируется на стремлении молодежи к своей относительной независимости от взрослого общества и исторически обусловлено необходимостью осмысления усиливающейся сложности окружающего мира. Оно дискретно, обращено вовнутрь и практически самодостаточно. Сферой рефлексии и сопричастия молодежной культуры является условно завершенное, готовое к использованию в качестве ресурса знание, выраженное в мифологической, удобной для восприятия форме, становящееся, в том числе, и символическим капиталом властных отношений.

Сопричастность с миром осуществляется при посредничестве мифа, определенного средой и временем, и, главное, прецедента как основы произрастания любого, в том числе и политического, мифа, в который помещается молодой человек той или иной политической ситуацией. Мифологическое же мышление связано с глубоким убеждением в фундаментальном и неустраняемом всеединстве жизни, связывающем воедино все множество и разнообразие единичных форм. Общая предпосылка мифологического мышления, полагает Э. Кассирер, зафиксирована не только в пространстве в виде чувства солидарности природы и человека, но и во времени, в виде представлений о неразрывности поколений, представляющих единую цепь в своих перевоплощениях [10. С. 536]. Исторический миф становится идеологемой, мотивирующей политическое участие. Языковым носителем мифа является мифологема, которая, так же как и молодежная субкультура, конструирует для молодого человека вторичную реальность, для того, кто верит. Такой вторичной реальностью для начала XXI в. являются образы средневековой, советской и постсоветской России. При этом мифологема способна быть и полюсом скепсиса, который присутствует в идеологических проектах практически всех молодежных общественно-политических движений современной России, где она становится орудием разоблачения политической доксы. Этим временем-пространством для всех движений является период реформ 1990-х, период, маркирующийся под знаком восстановления логоцентризма в политике. Как считает Е. Шейгал, аксиологическая направленность и эмоциональная маркированность мифологем в сочетании с нечеткостью денотативного компонента позволяют относить их к категории политических аффективов, отражающих ценностные структуры общественно-политического сознания [15. С. 153].

Как для современной России, так и для молодежи, важна одна из главных функций мифа – способствование нахождению своего места-в-мире, формирование его путем моментального схватывания-осознания, заставания себя-в-мире в определенном месте и в определенной ситуации, раз и навсегда данным. Миф – способ вписывания себя в мир, нахождение в нем своего топоса, изначально и естественно человеку присущего (топос человеческого – «естественное место» страны, человека). Способ вписывания – отождествление себя со своим местом-в-мире и собственно с миром (пределный случай – мифологема тождества микро- и макрокосма). Миф, в том числе миф о происхождении, есть способ этого отождествления [16. С. 84]. Мифологическое мышление и его символические ресурсы – инструмент восстановления целостности субъекта, кратковременных импульсов

и ускорений, в целом «запуска» новых форматов социального времени и их новых измерений.

Начало XXI в. – активный этап формирования политического сознания российской молодежи. В основе молодежных общественно-политических движений, возникших в начале XXI в., находятся феномены мифологического сознания, связанные с активизацией его компонентов в управлении российским социумом и его властных отношениях. Проявление этих феноменов связано с аффективной реакцией российского населения, особенно молодежи, на происходящие политические, экономические и культурные перемены, культурный и экономический шок, полученный в результате реформ 1990-х. Аффект – условие начала активного формирования идеологических установок. В состоянии аффекта баланс сознательно-бессознательных сил в психике человека смещается в сторону бессознательного, а правом принятия решений независимо от «Я» начинает обладать физиологическая сторона социального бытия, выживание и потребление становятся важными факторами политической культуры. Аффект является условием, при котором возможен трансгрессивный скачок в сознании человека, который характеризуется отрицанием табуированности предела той или иной культурной традиции [17. С. 58–59]. При трансгрессии опыт прошлого теряет значение, как источник направленности действий субъекта, человек принадлежит исключительно настоящему, его потребности и чувства определяются характером разворачивания событий (ритуала, праздника, политической акции). Рождение нового качества сознания – событие, вытекающее не из логического продолжения предыдущего, а из появления новых методов и форм переработки сознанием бессознательно используемых в социальной практике компонентов коллективного опыта, основанных на чувственном восприятии. «Дологическое мышление» – основа и «площадка» новых измерений социального времени-пространства и предшествующего им идеологического синтеза, который первоначально осуществляется в чувственно-эмоциональной и знаково-символической сферах. Они активно формируются молодежной субкультурой, являющейся направлением современной микрофизики власти, потенциал которой, в частности, как сетевого ресурса, активно востребован в российской политике.

Не сформировавшись в западноевропейском и североамериканском смыслах слова как субкультурные образования, российские молодежные движения в XXI в. под воздействием в том числе и воспроизводимого властью аффекта травм изменений 1990-х начинают активно формироваться как социально-политические, участвуя в создании культуры для молодых. Культура для молодых отличается тем, что инициируется «отцами» для «детей»; культура для молодых – явление всеобщее, массовое для биологически молодых людей, поскольку она затрагивает всех (или почти всех) молодых независимо от того, работают они или учатся; культура для молодых хотя по форме и может отклоняться от традиционной культуры, по сути – одно из проявлений современной массовой культуры индустриально развитых и постиндустриальных обществ, ее сегмент, а потому удерживает молодых людей в рамках общества. Культура для молодых предельно доступна и апеллирует более к биологическим (физиологическим), нежели интеллектуаль-

ным реакциям и способностям молодых людей; для молодежной субкультуры характерен эскапизм, поскольку молодые люди бегут в нее из общества; культуре для молодых, наоборот, присуще стремление быть сопричастными той культуре, которую им навязывает общество; молодежная субкультура характеризуется нонконформизмом; а культура для молодых – конформизмом; молодежная субкультура – феномен урбанистический, характерный для крупных городов; культура же для молодых рассчитана на молодых людей вне зависимости от того, где они живут.

Молодежная субкультура и культура для молодых, считает С.И. Левикова, сосуществуют порой параллельно, порой пересекаясь, но никогда не сливаясь [18. С. 110–112]. Ее формированию способствует социальная неустроенность большинства молодежи, выраженная в сложности, отсутствии норм и правил социализации и обретения своего места в социуме. Эти тенденции являются следствием не только временем российских трансформаций, но и вышеуказанных тенденций, связанных с переходом в трансформационное время – кайрос. Неравномерные режимы социального времени, в котором значительно усиливается неспособность социальных систем справиться с темпами изменений, и создают прецеденты, когда по главу угла ставятся ценности, политические практики и техники прошлых исторических эпох, главным образом устойчивых социальных состояний, воспроизведенный опыт которых может значительно обострить ситуацию. И чем глубже кризис, тем архаичнее могут быть применяемые социальные практики и социальные реакции на них. Они становятся основами мифологем и методами управления обществом, которое в периоды активизации «дологического мышления» в публично-правовой сфере общественных отношений стремительно теряет свою субъектность.

Культура для молодых, построенная на эффектах массовой культуры, связана с потребительскими стратегиями молодых, превалирование которых обусловлено аффектами, транслируемыми СМИ, и осознанием уязвимости перед стремительно развивающимися изменениями и пертурбациями в экономике, политике и культуре. Основой сопричастности молодежи к обществу, его смыслам и культуре как пространству вторичной социализации, внутри которого она может обрести комфортный полюс для партиципации на более абстрактном, менее обусловленном локальными смыслами уровне социального бытия, является «базовое доверие» (термин Э. Эриксона). Доверие, согласно Э. Эриксону, понимается как психологически связанное пространство-время и возникает благодаря осознанию факта, что отсутствие не означает дезертирства или покинутости. Базовое доверие, считает Э. Гидденс, входит в систему так называемой онтологической безопасности индивида, выражающей независимость (автономность) контроля за действиями человека в рамках предсказуемого хода событий. Формирование доверия к другим как наиболее глубокого элемента этой системы происходит на основе предсказуемых и заботливых действий по уходу, связанных с фигурами родителей. Система онтологической безопасности охраняется механизмами защиты (вежливость, тактичность), но основывается не столько на них, сколько на предсказуемости происходящих событий, нарушаемой в критических ситуациях [19. С. 100].

Для поколения, выросшего в 90-е годы XX в. и осуществляющего свою вторичную социализацию в начале XXI в., опыт и аффект социального существования родителей, полученные в период первичной социализации и формирующие «базовое доверие» к социальной системе, оказались доминирующими в выборе политических стратегий в период вторичной социализации. В условиях первичной социализации культурная и социальная «уязвимость» для молодежи становится фактором становления ее политической культуры. В период вторичной социализации этот аспект приобретает весьма напряженный и постоянный характер. Молодой россиянин обретает новую форму существования – со своей неустойчивой системой ценностей и социальной зависимостью от колебаний экономической и политической конъюнктуры. Он вырастает в индивида, который нестабилен, еще более незащищен и внушаем, в котором чувство социальной незащищенности компенсируется, в том числе, и стремлением слиться с властью как полюсом для партиципации, гарантирующим стабильность и социальный комфорт.

Аффект способствует, во-первых, выбору между субкультурностью и культурой для молодых, формируемой властью, в пользу последней, которая вовлекает российскую молодежь в политику и связывает ее с функционированием социальной системы; во-вторых, увеличению темпов процесса формирования идеологических проектов ускорения социального времени. Местом воспроизводства их различных форматов становятся молодежные объединения и молодежь в целом, в особенности находящаяся в сфере образования, обеспечивающие воспроизводство навыков согласования когнитивных порядков на абстрактно-формальном уровне. Молодежная политика является подсистемой внутри системы властных отношений. Она необходима для поддержки целостности системы власти в официальном пространстве российской политики; компенсации политических потребностей широких масс и полученной в результате реформ 1990-х годов «травмы» социального и культурного развития; решения задач оперативного включения производных мифо-ритуальной системы в публичное пространство политики и формирования российской властью типов организации времени-пространства, конкурентоспособных институтов увеличения темпов социальных изменений и мобильного инкорпорирования методов преодоления возрастающей сложности переживаемых обществом и отдельным человеком проблем, связанных с процессами эволюции и трансформации сложных систем, их нелинейной динамики.

Пока они в стадии формирования или не эффективны, ускорение социально-политического времени приводит к тому, что два уровня – этапа социализации – сливаются и становятся обращенными к одному и тому же способу переработки получаемой информации, а именно, к чувственно-эмоциональному, активизирующему «дологический тип» мышления человека. Его доминирование как средства форсированного сближения пространств как расширяет, так и сужает горизонт возможностей для решения сложнейших политических проблем, связанных с мегасинтезом различных проектов социального времени в единый поток Универсальной эволюции человечества. Благодаря его использованию в политических целях социально-политическая реальность представляется своего рода краткосрочным проек-

том, предполагающим ситуацию последнего шанса, последнего усилия перед окончательной развязкой, окончательным становлением, т.е. представлением об исчерпанности социального развития и достижения совершенства.

Востребованность в политике молодежного участия – следствие формирования новых содержаний и режимов воспроизводства социального времени, проектов будущего и их духовных оснований. Тенденции ускорения и краткосрочности демонстрируют быстрое истощение смысла и социальных образов, не относящихся к архетипическому содержанию культуры. Молодежь в этой ситуации становится как инструментом синхронизации со временем центров технических инноваций, так и инструментом обеспечения целостности российского общества, применение которых связано с попытками ее быстрой реализации в виде проектов сверхфорсированного ускорения социального времени в целом – экспериментов со временем. Этот процесс сопровождается аффективным воздействием на социальную среду с целью формирования норм и правил социального поведения, обеспечивающего легитимность экспериментов со временем, сопряженных с поиском путей включения компонентов мифо-ритуальной системы в современное развитие российского общества.

Форсированные темпы производства российской властью альтернативного формата времени-пространства и его институтов сопряжены с поиском ценностных и духовных оснований российского социума. Его расширение сказывается на увеличении потребности в политических проектах, необходимых не только для преодоления «критических состояний» социально-политической системы, но и ее выхода в новые измерения и границы политического времени-пространства. Это требует восстановления системных качеств культуры и формирования их носителей, способных в ситуации идеологического плюрализма или отсутствия идеологических стратегий вообще создавать условия для объединения и мобилизации общества, управления им и различными режимами времени его жизнедеятельности.

Литература

1. *Бачина В.А.* Библийская теология времени и вечности // Модусы времени. Социально-философский анализ: Сб. ст. / Под ред. И.В. Кузина. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2005.
2. *Валлерстайн И.* Изобретение реальностей времени-пространства: к пониманию наших исторических систем // *Время мира*. Вып. 2. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001.
3. *Валлерстайн И.* Миросистемный анализ: введение. М.: Территория будущего, 2006.
4. *Валлерстайн И.* После либерализма. М.: УРСС, 2003.
5. *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Университетская книга, 2001.
6. *Пелипенко А.А.* Исторические этапы и уровни эволюции субъектности // *Субъект во времени социального бытия: историческое выполнение пространственно-временного континуума социальной эволюции* / Отв. ред. Э.В. Сайко. М.: Наука, 2006.
7. *Пантин В.И., Лапкин В.В.* Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI века. М.: Феникс+, 2006.
8. *Яковенко И.Г.* Риски социальной трансформации российского общества: культурологический аспект. М.: Прогресс-Традиция, 2006.
9. *Пелипенко А.А., Хачатурян В.М.* Измененные состояния сознания субъекта в контексте кризиса логоцентризма // *Субъект во времени социального бытия: историческое выполнение пространственно-временного континуума социальной эволюции* / Отв. ред. Э.В. Сайко. М.: Наука, 2006.

10. *Кассирер Э.* Избранное. Опыт о человеке. М.: Гардарики, 1998.
11. *Фирсов Н.Н.* Миф в российском политическом дискурсе 90-х гг. XX века. М.: Центр цивилизационных региональных исследований, 2005.
12. *Зубко Г.В.* Время в мифологической и рационалистической парадигмах мировосприятия и в познании мира субъектом // Субъект во времени социального бытия: историческое выполнение пространственно-временного континуума социальной эволюции / Отв. ред. Э.В. Сайко. М.: Наука, 2006.
13. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995.
14. *Яковенко И.Г.* Большая и Малая традиции в дифференциации субъектов и в формировании целостности субъективности европейской культуры: динамика взаимодействия // Субъект во времени социального бытия. Историческое выполнение пространственно-временного континуума социальной эволюции / Отв. ред. Э.В. Сайко. М.: Наука, 2006.
15. *Шейгал Е.* Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004.
16. *Саврасов Л.В.* Миф как структура глубинного воображаемого // Виртуальное пространство культуры: Матер. научн. конф., 11–13 апреля 2000 г. СПб.: СПб. гос. ун-т, 2000.
17. *Никитин В.Н.* Онтология телесности. М.: Когито-Центр, 2006.
18. *Левикова С.И.* Молодежная субкультура. М.: Гранд-Фаир, 2004.
19. *Гидденс Э.* Устроение общества: Очерк теории структуриации. М.: Академический проект, 2005.